

Едва ли в истории найдется другой пример столь быстрого перерастания фольклора в композиторское творчество, любительства — в профессионализм, как это было в Азербайджане. По точному определению Кара Караева, «это был трудный и уплотненный во времени путь», и роль Узеира Гаджибекова здесь неосценима.

Первым он взял на вооружение богатство мирового классического музыки и доказал, что мугам (лад в азербайджанской народной музыке) может быть понят другим народами. Сейчас с полным правом говорят об азербайджанской композиторской школе.

Помню его пылливый, доброжелательный взгляд из-под старомодных очков, когда друг нашей семьи, незабвенный певец Бюль-Бюль привел меня к нему со словами: «Этот юноша хочет стать композитором!». С годами я все больше осознаю ту меру счастья, которое мне выпало: в течение долгих лет я жил рядом с ним, выслушивал его советы, а то и безжалостные суждения о моем творчестве. Ведь Гаджибеков был не только выдающимся композитором, но и теоретиком музыки, был драматургом (его либретто «Аршин мал алан» переведено на десятки языков мира), публицистом, критиком... Судьба распорядилась здесь удивительно щедро. По существу, все мы, азербайджанские композиторы, в той или иной степени прошли «школу Узеира». Все мы, перефразируя известное выражение, вышли из его «Лейли и Меджнуна» — не просто первой у нас оперы, но своего рода творческой программы, во многом определявшей развитие азербайджанской музыки.

— Чувствуете? Что-то моцартовское! — сказал мне однажды Д. Шостакович в Колонном зале во время испол-

ШКОЛА МАСТЕРА

нения одного из сочинений Гаджибекова. — Какое изящество!

Да, у него было редностное чувство фольклора — не отсюда ли напевность, мелодическое богатство и непринужденность его музыки? И то, что азербайджанская опера родилась раньше других форм композиторского творчества, не парадокс, а закономерность: родственный слушателям мугам облекся в сценическую форму, тоже имевшую свои традиции в народе. Не случайно и то, что первая азербайджанская опера родилась на основе великой поэмы Физули — основоположник профессиональной музыки обратился к основоположнику литературного языка. Естественное для Востока содружество музыки и поэзии!

Воспитывая нас в духе уважения к народному мелосу, Гаджибеков, однако, предупреждал: не забывайте, вы композиторы, а не исполнители, ваше отношение к фольклору должно быть творческим. Надо постигать его закономерности, его внутренний «духовный лад». Но если вы ничего не можете добавить к сказанному народом — что толку в цитировании, в повторении того, что и без вас известно!.. В одной из своих статей Гаджибеков говорил, что у Чайковского, перед гением которого Гаджибеков преклонялся, он учился развивать творческую фантазию на нерушимой основе народного языка. И объясняя успех «Кер-оглы» в нашей стране и за ее пределами, добавлял: «Национальные особенности

ее вовсе не изолируют от других народов, а, напротив, они еще больше указывают на интернациональный характер этой оперы».

Призывая учиться у народа, Узеир Гаджибеков имел в виду не только свой родной народ. «Учиться друг у друга» — эту фразу он не уставал повторять. Он сам учился всю жизнь. «Такова сила подлинного искусства», — писал он, имея в виду социалистическое искусство. — В Азербайджане, Армении любят и поют широкие задушевные русские песни. В Большом театре в Москве любовно разучивают замечательную грузинскую оперу, украинские певцы выступают с произведениями киргизского композитора, а в степях Казахстана привольно звучат напевы украинцев».

Путь от «Лейли и Меджнуна» (1908 год) до «Кер-оглы» (1937 год) был путем творческих исканий, обретений и проб не только выдающегося композитора, но и всего музыкального и театрального искусства Азербайджана. Узеир Гаджибеков с самого начала определил его реалистическую направленность, близость к истокам жизни, и этим объясняется то, что ныне его ученики и последователи, как отмечал Д. Шостакович, «находятся в первых рядах международного отряда мастеров советской музыки». Сила Гаджибекова в том, что он, как легендарный Антей, твердо стоял на почве идейного народного искусства, а счастливая судьба художника — в том, что само его творчество стало благодатной почвой для многих и многих композиторов, к которым я с гордостью отношу и себя.

Фикрет АМИРОВ,
народный артист СССР,
лауреат Государственной
премии Азербайджанской
ССР

ВАКУ